

ПАВЕЛ КУЛЯШОВ

ЛЕГЕНДЫ
И БЫЛИ
ПРИКАЗЫ

П. КУЛЯШОВ

**ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ
ПРИКАМЬЯ**

ИЖЕВСК
«УДМУРТИЯ»
1990

Рецензент Г. Н Солодников, член СП СССР

Издание осуществлено за счет средств автора.

Куляшов П. Ф.

К 90 Легенды и были Прикамья – Ижевск: Удмуртия, 1990 г.
— 24 с.

ISBN 5-7659-0308-8

Прикамье — богатый край легенд и сказов. Здесь чувствуешь дыхание самой истории. По Каме проходил Ермак и Пугачев, Азин и Раскольников. Здесь родился гений русской музыки Чайковский. В Прикамье много здравниц и курортов.

В этой книжке собраны забытые предания и сказы.

ББК84Р7

ISBN 5-7659-0308-8

© Павел Куляшов, 1990 г.

ЕРМАК И КАИН

легенда

ДРУЖИНА у Ермака Тимофеевича была отважная. Никто из ратников не ведал страха. А опасности в дремучем Прикамье поджидали на каждом шагу.

В лето 1581 года ратники с трудом поднимались по Каме на тяжелых ушкуях. Где шли под парусами, а чаще на веслах. Берега дикие, крутые, всюду усеяны ельником да пихтой и зверья в этой глуши видимо-невидимо. Бывало, сохатые без страха выходили к воде и тарасили на ушкуйников шальные глаза. Дружинники ради забавы срежут выстрелом одного, другого, а лоси даже не разбежатся, стоят ошарашенные и с любопытством смотрят на людей.

К вечеру грозный завоеватель причалил свои узконосые ушкуи к крутояру. Ратники поужинали и стали готовиться к ночлегу. В это время вышел из леса седой вотяк, подошел к воеводе и упал в ноги.

- Чего тебе? — спросил грозный Ермак.

- Шибко не надо здесь ночевать! — заговорил старец. — Это владения лютого разбойника, За убийство и насилия Каином его прозвали. Скоро он явит-ся сюда и всю кровь выпьет из твоей дружины.

Усмехнулся Ермак в черную окладистую бороду и ответил старому вотяку так:

— Пробовали многие, да не у всех получалось.

Старец долго перешёптывал незнакомые слова, а потом с поклоном попросил:

— Тогда спаси нас от Каина-злодея, век на тебя молиться будем!

Ермак свел густые брови и ответил:

— Разложи большой кострище и примани разбойника огнем, а дружина моя пока отдохнет... Да не забудь меня разбудить на рассвете.

В эту ночь Каин-злодей не появился.

С раннего утра Ермак с дружинниками чинили ушкуи, готовясь к дальнему походу. К вечеру разыгралась гроза: небо почернело, подул ветер, затрещали деревья, запенились, закипели крутые камские волны. Каин злодей только и ждал бурелома. Как дикий зверь напал он со своими разбойниками на дружину. Но не тут-то было, ратники Ермака пищалями¹

---

¹ пицаль — старинное ружье

разогнали злодеев. Каин рассвирепел. Вышел навстречу воеводе и выхватил меч. Долго рубились они. Ермак не мог одолеть элодея. Росту разбойник был великого, что вздыбленный конь, а на широких плечах золотая кольчуга. Лицо Каина бровастое, круглое, будто колесо от старой телеги, руки длинные, а на пальцах от жадности выросли пти-чьи когти. Поднимется стеной, рывкнет по-лютому и снова заносит меч.

Каин-злодей был богат, как царь, и жаден, как нищий. Богатством своим он мог перекрыть Каму, скупостью — задушить мир.

Долго они бились, никто не мог одолеть. Потом Ермак изловчился, схватил Каина левой рукой за редкую бороду, а правой занес над головой меч.

— Вот и смерть твоя наступила, душегуб!

Почувствовал хитрый Каин силу Ермака, упал на колени и побеждённо запричитал:

- Помилуй, всё золото тебе отдам!

- А мне твоё золото не надо! — свирепо ответил Ермак. — У кого награбил — тому и отдай. Где оно?

Повёл его лукавый Каин к своему сокровищу на Медведь-гору. Гора высокая, хребтистая, будто лютый зверь залег на просторе.

- Вот оно моё богатство! — Хвастливо изрек Каин. — Вся Медведь-гора золотом набита.

- Шаманишь или правду сказываешь?

- Истину, а вот и главный вход. — И Каин открыл тяжелую железную дверь. Заглянул воевода в пещеру — глубокая, темная, душная — и приказал:

- Иди, неси свое богатство!

А хитрый Каин только этого и ждал. Нырнул в темноту и хихикнул от радости:

— Обманул Ермака! В моем-то царстве сто заходов и тыща выходов. Попробуй, найди меня здесь.

Рассвирепел Ермак, Тимофеев сын, пуще прежнего и молвил лукавому и жадному Каину так:

— А мы, элодей, все твои выходы с ратниками завалим! Оставлю только главный, тут и страже быть! Пока не вернешь награбленное богатство народу — не видать тебе голубого неба!

Усмехнулся разбойник, оскалил жёлтые зубы и ответил:

— Мне не нужно голубое небо! Богатство моё тайное, а царство подземное. — И запахнул железную дверь на девяносто девять запоров.

Первую ночь спокойно спали люди Прикамья, знали. Каин-злодей надолго залег от страха в Медведь-горе. Особенно доволен был старец. Он всю ночь охранял сон воеводы, а когда на востоке заалела первая зорька и запели

птицы, старый вотяк подошел к Ермаку, осторожно толкнул его в плечо и тихо произнес:

— Сайка², воевода, сайка...

Ермак тревожно распахнул глаза, а старец, указывая на восток, ласково прошептал:

- Сайка, воевода, кыче чебер сайкатон³... — и показал на подпаленный рассветом горизонт.

- Любо! — сказал Ермак, — день-то тут начинается с этого угора. Веселое место!

Дружинники наскоро помолились, поели и стали собираться в путь. Воевода хмуро посмотрел на Медведь-гору, в недрах которой затаился злодей, и приказал:

— Страже дозор нести чутко, чтобы злодея из темницы не выпускать! — А потом с грустью добавил: — Любо здесь, берега глаз радуют. На обратном пути тут же причаляю. А вам велю избы срубить, а для меня жаркую баньку построить! — наказывал он провожавшим.

Снова окинул взором Ермак полюбившиеся места и с печалью молвил:

- Ну, прощай, Сайка... Как там... Сайгат... — задумчиво нахмурил широкий лоб. — А назовём-ка, братцы, по-русски... Сайгатка!⁴

- Окрестили и в путь! — поддержали дружинники. — С Богом... Сайгатка!

Этим словом и запомнили славное место. С печалью смотрел Ермак Тимофеевич на обжитое место, будто чувствовал, что нога его больше не ступит на этот берег.

Ермак уплыл вверх по Каме, а Каин-злодей остался сидеть в Медведь-горе. Год сидит, два и каждый день тешит себя радостью: как он ловко обманул Ермака — и жизнь себе сохранил, и богатство не отдал. Гладит золото в темноте, перебирает, щупает. — И так с утра до вечера. Одного не учел скупой Каин: хотя злато и серебро тяжесть имеет, но в темноте не блестит, а стало быть ни ценности, ни красоты. Как только понял это злодей — чуть желчью не захлебнулся.

— Золото ли это? Почему не блестит? — И долго ласкал в рунах монеты.

— Нет, не золото! — И решил откупиться за награбленное у народа добро малой толикой, а заодно и проверить — сверкнёт ли оно на солнце.

Подошел к железной двери и крикнул:

- Стражники Ермака, откройте, клад принес!

- Одумался! — решили стражники и распахнули дверь.

---

² Сайка — проснись (по-удмуртски)

³ Кыче чебер сайкатон — какое красивое пробуждение

⁴ Сайгатка — старинное село на Каме, а ныне г. Чайковский

А Каин-злодей увидел голубое небо, швырнул в высь горсть золота и люто шепнул:

— Ни себе, ни людям!

Блеснули монеты искристым ярким цветом и улетели светлой тучкой ввысь, ветер унес их за тридевять земель.

— Золото! — крикнул по-дикому Каин и стал рвать на себе редкую бороду, потом хлопнул железной дверью и бросился пересчитывать сокровища.

Считал год, два, десять лет, пока сомнения снова не кольнули его душу. «А золото ли это? Почему не блестит в темноте?» И опять вылезал он из Медведь-горы и швырял в голубое небо увесистую горсть монет, желчно приговаривая: «Ни себе, ни людям!» И чем больше злился, тем чаще исходил ненавистью, и тем щедрее обертывался для людей клад. Он летел из жадных, когтистых рук Каина легким облачком, потом оседал чистой росой. Если по этой росе проходил слепой — он становился зрячим, если же истощенный калека — преображался в богатыря.

Старые люди рассказывают, и сейчас ещё сидит в Медведь-горе седовласый Каин, постарел, зачах от скупости и жадности, но и поныне раз в десятилетие он выходит из своей пещеры и высоко в небо швыряет горсть золота.

Мудрые люди советуют, если увидите ранним утром над Медведь-горой золотое облачко, проследите, куда оно плывет? Может быть и вас озарит это счастье? Скупой Каин богатство на ветер не бросает, а дает его только тем, кто первым встречает рассветы на Каме.

1989 г.

ОХ, АННА!

легенда

МНОГО веков, будто подбоченясь, стоит на правом берегу Камы старинный городок, а на высокой круче его – церковь, гордо и высоко подняв в лазоревое небо золоченный крест. Ушкуйники, купцы и плотогоны, проплывая мимо звонницы, клали свои сорок поклонов, отдавая дань высокому собору. Издали этот храм напоминал стройную девушку в белой, как кипень, фате. Она, будто живая, робко смотрит в глубокую Каму, словно прощаясь с белым светом. Стоит века, бросая упреки недоброму, злему, коварному. Народная молва гласит: много лет назад, томящийся в Медведь-горе Каин- злодей снова решил откупиться от народа и швырнул в лазоревое небо горсть монет. Швырнул далеко, в северную сторону, и когда увидел блеск золота, рука его дрогнула от скупости и он с упреком бросил:

— Ни себе, ни людям!

На этот раз клад долетел до большого прикамского села и упал в руки самой некрасивой девушке — нищевродке. Сверкнул золотом в ее ладонях и исчез.

— Господи! Что это? — взмолилась девушка.

И вдруг появился перед ней златокудрый юноша, плечист и строен, как тополек.

— Вот она, судьба моя! — радостно воскликнул он.

— Да какая же я судьба, — ответила девушка. — Я безобразная нищенка Анна.

И тут юноша поднес к ее лицу зеркальце. Глянула девушка и удивилась. Да она ли это? Краше самой царицы! И тогда красавица молвила:

— Ты меня первый приметил, тебе я и буду верна! Но на красивый цветок охотников много. Стали свататься к ней женихи-разбойники, один богаче другого. Она же оставалась верна только Златокудруму. И тогда богатые каиновы люди сговорились — схватили Златокудрого и бросили в темницу, а красавицу насильно стали просватывать за самого богатого.

Девушка отказалась. Тогда стали ее задаривать золотом и серебром. — Нет! — снова отвергала Анна. — Самое большое мое богатство — любимый!

Тогда повели ее под венец силой. Красавица вырвалась из рук злодеев и прямо в фате бросилась к высокому берегу Камы, оглянувшись, взметнула вверх руки и, прося прощения у Бога и Любимого, белой лебедушкой кинулась с кручи.

После гибели девушки Златокудрого выпустили из тёмницы. Он, потрясенный горем, долго ходил по высокой круче и безутешно страдал. Потом вдруг смолк, стал угрюмым и кротким. Он почти перестал говорить, хотя душевная тяжесть не давала покоя, она мучила, терзала и чтобы сбросить ее он с болью выдыхал единственную фразу: — Ох, Анна... Ох... Анна...

Губители, чтобы оправдаться перед народом, возвели в честь красавицы Анны церковь, но и это не убавило скорби. Похудевший и замкнутый юноша, каждый вечер выходил на берег Камы, крестился и торопливой скороговоркой склеивал эти тяжелые слова: — Ох, Анна... Ох Анна...

Эту вечную скорбь по ушедшим повторяли все, кто встречался когда-либо в жизни с большой печалью. Она входила в сознание горьким осадком и, отстаиваясь, крепла в людях доброй и вечной памятью. Прижилась эта скорбь и в прикамском городке. А народ, чтобы придать значение и смысл этому производному слову, изменил всего две буквы, и молва донесла до нас совершенно новое русское слово — Оханск.

1990 г.

ЖЕМЧУЖИНА

л е г е н д а

Грязевый курорт Варзи-Ятчи один из лучших в Прикамье.

ЭТУ легенду сказывали мудрые и древние старцы. Много веков назад в широкой долине безымянной речки жил трудолюбивый и храбрый народ — ятчи. Мужчины отличались большой отвагой и благородством, силой и ловкостью. Каждый охотник в одиночку ходил на медведя, за сто шагов попадал из лука в срез сучка. Храбрые люди рода ятчи жили мирно: строили жилища и рыбачили, сеяли хлеб и разводили скот.

Жил род ятчи много столетий.

Но однажды на этот трудолюбивый и отважный народ напали черные тучи врагов. От многочисленных конских копыт завяли зеленые луга и стали чернее земли.

На защиту своего рода поднялись храбрые мужчины. Но силы были неравные, и все они полегли от стрел и копий. Тогда грудью встали юноши рода, и тоже были изрублены в смертельной схватке кривыми и острыми ятаганами. Поднялись защищать свой род старики и подростки, но и их смяли копыта вражеских коней.

На защиту своего крова встали женщины. Предводительницей была златокудрая красавица Варзи. Зоркая, словно сокол, она с высоты холма густо пускала в недругов стрелы. Тетива звенела, как ладный колокол, и каждая стрела несла смерть, точно вонзаясь между шлемом и кольчугой конника.

И тогда в бой вступил сам грозный завоеватель — всемогущий хан. Прикрываясь двумя щитами, он сзади подкрался к девушке и заарканил ее тугой петлей. Варзи выпала из седла.

— Девка! — яро выдохнул он и выхватил кривой золоченый ятаган.

— Повернись, я хочу посмотреть тебе в глаза, прежде чем отрубить башку!

Варзи глядела на хана ясными, полными отваги и ненависти очами. Дряблое, безбородое лицо завоевателя дрогнуло, притух звериный блеск в свирепых глазах.

— Кто ты? — выдохнул хан.

— Варзи! — гордо ответила девушка.

— Полмира завоевал, а такой красоты не видел! Милую тебя! — и сунул золотой ятаган в серебряные ножны. — Ты будешь первой моей женой и будешь любить меня!

— Нет! — твердо ответила девушка.

— Будешь! Ты моя самая драгоценная пленница!

— Можешь меня терзать и мучить, но любви своей я никогда, хан, тебе не отдам.

— Я куплю ее за большое богатство! — крикнул завоеватель. — В шатер пленницу!

— У тебя не хватит богатства! — гордо возразила девушка.

Тринадцать восходов солнца встретила она в шатре, но любви своей так и не отдала хану.

— Ты холодна, как подкова моего коня! — упрекал грозный завоеватель. — Подаришь мне свою любовь?

Девушка гордо молчала.

— Я отдам тебе табун скакунов!

Прекрасная Варзи не ответила.

— Я подарю тебе десять повозок серебра и злата!

И снова молчание красавицы.

— Я отдам тебе все свое золото!

— Не возьму! — гордо обронила Варзи.

— Тогда я подарю тебе жемчужину, дороже которой нет ничего в мире. Тысячи людей отдали свое здоровье и силу, чтобы увидела свет такая жемчужина. Чтобы найти ее, долгие годы бороздили глубины заморские ловцы жемчуга; чтобы еще больше украсить ее, чужеродные рабы по крупицам намывали золото в дальних краях, а над украшением работали лучшие умельцы мира...

Девушка подняла взор и надменно посмотрела на хана:

— Покажешь мне эту красоту?

— Покажу, если отдашь мне свое сердце.

— Только не здесь, не в шатре, не в окружении твоих слуг... — наконец согласилась красавица.

В полночь они спустились к безымянной речке, окруженной мелколесьем и болотом. Девушка вела хана тайной тропой. Вброд перешли на остров.

— Здесь нас видят только одни звезды, показывай! — попросила красавица Варзи.

Хан достал из-за пазухи большую жемчужину, украшенную тысячами самых драгоценных камней и алмазов. В лунном блеске они горели

множеством огней, ярких и нежных, каких никто никогда не видел. Хан держал большую жемчужину и хвастливо пояснял:

— Она переходила из рук в руки самых могучих владык мира. Чтобы завладеть этим богатством, я погубил тысячи преданных воинов. Бери ее, но отдай свое сердце!

О, великий завоеватель! — взмолилась красавица. — Примет ли мою любовь твой аллах? Помолись ему, попроси его милости!

Хан повернулся на восток и истово стал молиться. Девушка выхватила из его ножен булатный кинжал и вонзила в спину властелина. Потом глянула на драгоценную жемчужину, горящую, как солнце, и крикнула:

— Пока ты сияешь своей красотой в руках порабитителей, ты приносишь только смерть! Растворись, сгинь и верни затраченное на тебя здоровье людям, — и прекрасная Варзи швырнула драгоценность в вонючее болото. Жемчужина медленно и веско ушла вглубь, растворяясь в далеких недрах...

Старые люди сказывали, будто девушку долго мучили и пытали, но найти жемчужину в болоте не смогли.

И только в столетие гибели ее, в глухую полночь, над болотом являлось зарево. Это из недр земли светила жемчужина, а на острове в ее блеске танцевала девушка, гибкая, тонкая, как всплески ночного костра. Это красавица Варзи из храброго рода ятчей раздаривала свое богатство людям.

А народ, в память о златокудрой девушке, прозвал это место ее именем — Варзи-Ятчи. Курорт и поныне щедро одаривает людей здоровьем и красотой.

1979 г.

АТАМАН НОСКОВ

б ы л ь

В КОНЦЕ декабря слух о приближении Пугачева разнесся по всему Прикамью. В деревнях создавались отряды повстанцев: на Ижевском заводе хозяйничал отряд Юськи Кудашева, в Сарапуле — Данилы Шитова, на Воткинском заводе баламутил народ мастеровой Андрей Носков. И управитель завода Клепиков понял — попал в западню — ни в Сарапуле, ни в Ижевске спасения нет. И тогда он тайно подался к богатому крестьянину Михайле Лоханину, жившему в Большой Соснове. В добрые времена Лоханин снабжал заводских рабочих хлебом, фуражом, сеном. Выгода была взаимная и это сблизило их, а общая беда скрепила дружбу.

Побег Клепикова воодушевил мастеровых. Носков тут же организовал отряд, в котором насчитывалось более пятисот человек. Вскоре к атаману Носкову явился из Большой Сосновы перебежчик Рогомет и сообщил, что управитель завода Клепиков и Лоханин учинили большой скоп людей, да еще из Мотовилихи подмога ждут.

— Надо торопиться, конь-корова, а то объединятся и разобьют! — советовал Рогомет.

— У нас тоже есть подмога, — ответил Носков. — В Дебессах отряд Федора Шмоты в трисотни...

— Вот и надо спешить! — предложил Рогомет.

Атаман Носков долго думал, поглядывая на своих полковников Пахома и Захара, потом решительно заявил:

— Скажи, Рогомет, в Дебессы и скажи Федору Шмоте: через три дня встречаемся в деревне Полозово, а оттуда ударим общими силами по Клепику и Лоханину. Успеешь?

Рогомет кивнул головой, вздыбил халтарого коня и лихо бросил:

— Да я то, конь-корова, везде успею! — И снежным вихрем умчался вдаль: — Успе...ю... конь-корова...

К исходу третьего дня полутысячный отряд Андрея Носкова медленно втягивался в большую деревню Полозово. А с другого конца на двух подводах въехал юркий мужичок. Сани скрипнули, остановились в укромном месте и пошла бойкая торговля самогоном. Ополченцы осмелели, оттолкнули шинкаря и давай черпать из сорокаведерных бочек котелками да ведерками. Мужичонка тягуче и слезливо ныл:

— Разорили! Где бог, где судья?

— Завтра заплатим за чертоплас, — утешали пьяные ополченцы. — Вот разобьем Лоханина и сполна...

К полуночи весь отряд был пьян. Этого и ждал Клепиков. Внезапной атакой Михайло Лоханин ворвался в деревню. И пошел крушить врага. Он крутился впереди всех на гнедом рысаке и, размахивая саблей, постоянно призывал:

— Христиане, не подведите! За мной!

Не прошло и часа, весь отряд атамана Носкова был перебит. Сам атаман, отбиваясь от наседающего неприятеля, отходил к крайним домам, где стояло десятка полтора оседланных коней.

— Смотри, атаман, задами деревню обходят, — кричал Пахом. — Садись! Андрей вздыбил коня, осмотрелся. Его люди уходили, бросая топоры и секиры. Атаман дернул поводья и помчался вслед за отступающими. За ним последовал небольшой отряд конников.

На рассвете, когда в богатой кошеве на поле боя приехал управитель Воткинского завода Клепиков, Рогомет сдернул шапку и упал на колени.

— Господин управитель, а господин... Я свое поганое дело сотворил. Пришел за обещанным: дай мне коня и корову?

Клепиков брезгливо посмотрел на Рогомета.

— В своем деле ты мастер, лучше шинкаря, только некогда мне этим заниматься, да и злодея Носкова еще не словили! — Голос его набирал силу.

— Так я-то, господин... причем... Обещано было, конь-корову...

— Марш отсюда! — выкрикнул Клепиков. — Потом получишь за свое предательство и коня и корову. Не время сейчас!

...Трое суток атаман Носков скакал по проселочным дорогам. Лошади уставали, падали, им давали передохнуть час-другой и снова в путь. Сначала скакали в сторону Мотовилихи, затем, путая следы, свернули строго на юг, в надежде встретить отряды Пугачева. Миновали Осу, потом Елово: но восставших нигде не было. Левым берегом Камы спустились еще ниже в старинное село Сайгатку, которое широко и вольно раскинулось вдоль высокого берега.

Село дремало в потемках, нахлобучив снежные крыши до самых окон. И только деревянная церковь дерзко и вольно подняла в холодный мрак блестящий крест. Высоко в небе, легко и туманно сверкнула острая долька месяца, скупно освещая дремучие леса Прикамья. Запаренные кони устало хватили губами твердый снег.

— Атаман, может быть, податься в маленькую деревушку, там спокойнее, рассудительно предложил осторожный Захар.

— Здесь остановимся! — заупрямился Пахом. Если поднимем народ, сразу в отряде сотни две будет. Село большое, мужиков много!

— Пожалуй, верно, — согласился атаман, укутывая потеплее раненую руку. — Здесь остановимся, не будем время терять. Сколько нас? Восемнадцать... Разбиваемся на два отряда и устраиваем ночлег вон в тех двух домах. Они большие, места хватит. — И тронул свою уставшую лошадь.

Дом был высокий, пятистенный и уныло смотрел на дорогу темными глазницами окон. Стучались долго, сначала в ворота, потом в окно, надрываясь, лаяли собаки, гремя железными цепями. И вдруг все утихло, вышла хозяйка и проскрипела снежком до ворот.

— Кто торкат? — неприветливо спросила она.

— Открой, хозяйка, ночлежники. Совсем застыли.

Со скрипом оттянула тяжелый засов, приоткрыла воротца. Осмотрелась.

— Сколь много, целый табун, — удивилась она, — Табакуры есть?

— Ни единого! — убеждал полковник Захар.

— Пустоухая я, не слышу, говори шибче.

— Вот глухая карга, — злился полковник, — нету, говорю!

— То-то! — снова загремел огромный засов, и с грохотом распахнулись большие ворота.

Всадники поставили измученных коней и попросили сена.

— Немного дам, — пообещала хозяйка, — а овса нет. Шли бы на постоянный двор, тама есть.

— А где он?

— Напротив.

— Туда сейчас заехало человек десять, — ответил атаман и подумал: «Значит они угодили на постоянный двор. Это удобно, все вести соберут от заезжих».

Хозяйка зажгла лучину, поставила на стол и пристально стала всматриваться в лица:

— Гли-ко, хворый среди вас. Это где угораздило?

Никто из мужиков не ответил, тогда она снова спросила:

— Далеко ли путь держите? Откуда?

— Издалека, а путь держим на Воткинский завод, — хмуро ответил Андрей. — Лучше бы накормила нас.

Тетка негромко заворчала, пошла на кухню и вскоре вынесла огромное глиняное блюдо с молоком, принесла ложки, хлеб и коротко бросила:

— Хлебайте, — забралась на печь, и оттуда, сверху, донесся ее негромкий голос: — Хворый-то может на кровать ложиться, а вы на полати да на пол.

Андрей вышел из-за стола первый, лег на кровать, прикрылся полушубком и тихо застонал. Рана снова заныла, он гладил ее рукой и, наконец, забылся. И чудилось ему, как любимая ласкает и целует его измученное тело, казалось даже, ощущал на своем лице щетинисто-колючие ее ресницы и улыбался во сне.

Захар наклонился над кроватью:

— Что это атаман-то? Днем хмурится, а во сне улыбается.

— Тело-то отдыхает, вот и душа радуется, — ответил второй.

Ранним утром хозяйка проснулась, оделась и вышла на улицу. Вернулась не скоро. Долго возилась у печки и заворчала на своего мужика.

— Что долго спишь, сатана? В лес надо ехать!

Мужик заворчался, поднялся исходил во двор, потом ополоснул лицо, помолился, поел и отправился в дорогу. Вскоре встали и постояльцы, напоили лошадей и степенно завели разговор о погоде и вдруг неожиданно Захар спросил:

— А сколько у вас дворов-то в селе?

Хозяйка откинула с уха платок:

— Шибче говори!

— Сколько, спрашиваю, дворов в селе? — повторил Захар.

— Да сотни, пожалуй, две наберется.

— А мужиков много?

— Чужих не считаю, со своим талагаем⁵ согрешила.

— Туговата тетка на ухо, — негромко заговорил Захар. — Давайте, планы обсудим. Все одно не слышит.

Пришли мужики с постоялого двора, во главе с Пахомом. Стали советоваться.

— На постоялом-то что говорят заезжие? Слышал, Похом? — спросил атаман, поднимаясь с кровати.

— Разное, кто его самозванцем крестит, кто царем. Один мужик из Осы с обозом конопли приехал, так он баят, государь-то будто бы на Красноуфимск направляется, а там на Кунгур пойдет. Бо-ольшое войско ведет.

— А другой, толмит, совсем иное, — вмешался в разговор молодой мужик. — Зимовать будто бы решил государь на реке Уфе у башкиров. А уж к весне снова пойдет по России.

— Всякое баят, никто толком не знает! — отмахнулся Захар. — Может, и нам тут остаться. Подкопить силы, дождаться государя и вместе с ним.

---

⁵ Талагай -

— Нет — упрямо возразил Пахом. — Надо собрать в Сайгатке отряд и — на Воткинский завод. Выгоним Клепика и будем ждать государя с хлебом и солью.

Спорили долго, отстаивая каждый свое. В избе было жарко, с окон потекла изморось, и мужики, расстегнув полушубки и утирая темными руками пот с заветренных, бородатых лиц, до хрипоты спорили, шумели, убеждали друг друга. Тетка молча ходила от стола к печке, то принесет чашку толокна, то каши, а то и бутылъ самогону. Все сидели по лавкам: кто за столом, а кто и по за столу, и только атаман лежал на кровати.

— Слышь, хозяйка, а кто тут староста? — спросил Носков.

— А! — снова переспросила та и сдернула с уха платок.

— Староста, спрашиваю, кто? Ведьма!

— Здесь не староста распоряжается.

— А кто? Батюшко?

— Нет, йгуменья главная.

— Монастырь, что ли, есть?

— Был недалеко, разорили. Вот матушка настоятельница и вернулась в свое село. А монашенки разбежались по белу свету, — бассеньких-то молодые парни расхватали, женились, а кто похуже — по миру пошли, скитальницами.

— Так уж всех и расхватали? — усомнился Захар.

— Есть одна, — вставила хозяйка, — но тебе не по кошелю, отец у нее, ой, богатущий! А она красотой-то, пожалуй, еще богаче!

Брякнула в воротцах щеколда, хозяйка тут же встрепенулась и вышла во двор. Подбежала, оглянулась — никого — и открыла. Перед ней стояли трое — игуменья Ефросинья, сельский поп и староста.

— Ну, кто там такие, сказывай! — грозно спросила Ефросинья.

— Ох, смутьяны, матушка! Смутьяны! Я глухой представилась, что только не говорят! Зайдите!

Игуменья вошла в двери, дородная, сытая старуха, прикрытая сверху черной шерстяной шалью и от того похожая на широкий обгорелый пень. Размашисто перекрестилась на иконы и, распевно, басом, произнесла:

— Хлеб да соль, добрые люди! — и зорко стала приклеиваться взглядом к каждому.

За крупным ее телом стоял худощавый с мелкими глазами священник. Лицо и лысина напоминали дряблую репку, а сквозь седую редкую бороденку четко просвечивала острая линия подбородка. Он тоже перекрестился и положил свои восковые ручки на большой серебряный

крест, тяжело висевший на сухой груди. Справа от игуменьи высился староста, толстый, брюхатый, с лоснящейся кожей.

— Надолго ли в наши места, добрые люди? Куда путь держите?

Атаман приподнялся с кровати, с интересом посмотрел на вошедших.

— Мы государевы люди, матушка. А в ваших местах будем, сколь бог велит!

— Государевы? — плавно пропела игуменья и повернулась к старосте.

— Может, в чем нуждаются? Помогите.

— Надобно бы нам пищи, да фуража коням.

— Будет, будет, добрые люди. Коли злодейства причинять селянам не станете! — кивнула игуменья.

— Какое злодейство? — ласково пропел Захар. — Все мы под богом ходим!

— Я вижу у вас ватажников дивно, хорошо бы вас на постой в одной избе устроить.

— Верно, матушка, — кивнул атаман. — Вместе лучше.

— Коли без зла, то будет вам фураж и хлеб, а место, — игуменья снова повернулась к старосте. — На постоялом дворе, хватит всем!

Староста кивнул в знак полного согласия.

Игуменья обвела стены избы строгим взглядом и добавила:

— Бог вам навстречу! — и еле заметно кивнула головой.

На постоялом дворе были запасы сена и овса, ограда крепкая, конюшня большая, изба теплая. В первый же вечер сам староста привез на лошади хлеба, мяса и бочонок самогону. Выставил, перекрестился и ушел.

Атаман посмотрел на своих мужиков и бодро заявил:

— Вот здесь и будем жить, да силы копить. А государь объявится, пойдем с ним на Воткинский завод. А объявится он скоро, други мои, скоро!

...В глухую зимнюю ночь игуменья Ефросинья вызвала старосту и, поджав острые губы, сказала:

— Это смутьяны самозванца, а не государевы люди! — строго прищурилась и приказала:

— Предать еретиков огню! А батюшко и я в поте лица будем замаливать твои грехи. Так повелеваю, иди!

Староста взял надежных мужиков, обложил хворостом постоялый двор и поджег. Был сильный ветер, пламя сразу охватило все хозяйство. В окнах заметались люди, двое из них выскочили на улицу, мужики старосты тут же прикололи их вилами. Третьим выпрыгнул из огня

атаман, придерживая раненую руку. Его полукольцом окружили селяне с вилами и топорами, загоняя в пожарище.

— Убивцы! Живым не дамся! А государь придет, за все рассчитается!

— Это не государь, самозванец! Бей еретика!

Носков увернулся от одного, второго удара. Но третий удар пришелся по плечу, и Андрей упал лицом в снег. В это же время с треском распахнулись ворота и со двора выбежали дикие от испуга лошади. Мужики попятились. Вслед за конями выскочило пять всадников, они подхватили раненого атамана и в одно мгновение исчезли в метельной ночи.

— Догнать, стрелять! — кричал староста. Но крик его заглушил страшный грохот. Рухнула крыша постоянного двора. Дым взбурлился, забушевали искры и вспыхнуло огромное открытое пламя, далеко осветив улицы большого села.

Игуменья Ефросинья, наблюдая из окна пожар, то и дело со вздохом крестилась и повторяла:

— Бог дал, бог и взял! Аминь!

...А утром в село Сайгатку въехал большой отряд Федора Шмоты. Получив известие о разгроме Носкова, Шмота отступил, сохранив основные силы. Игуменья Ефросинья, увидев конников, много пудовым кулем упала на колени перед иконой святого угодника Николая-спасителя и непослушно забормотала:

— Господи, помоги... Господи, помоги... Куда же рабе твоей верной податься? Никола-спаситель, избавь грешную душу! — жарко обращалась она к святому угоднику: — Подскажи, куда податься?! — И вдруг твердо прошептала: — Уж лучше в царство небесное, чем к этим еретикам на судилище...

К исходу февраля добрые вести охватили все Прикамье. Из Чесноковки⁶ от фельдмаршала Чики Зарубина шли указы, манифесты, повеления, а из отрядов — донесения, челобитные, просьбы.

Отряд Федора Шмоты укрепился в Сайгатке капитально. Ополченец Мишка Коза на досуге смастерил даже деревянную пушку, навел ее в сторону Воткинского завода и дважды бухнул, так, для острастки сельчан. Грохот и пороховой дым навели страху на честной народ. Мужики и бабы усерднее стали молиться, ожидая перемен.

Большое село Сайгатка стало мощным форпостом пугачевских войск на Каме.

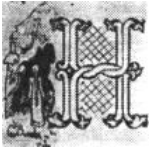
1985 г.

---

⁶ Чесноковка – село в Башкирии, штаб повстанцев.

СТРИЖУХА

л е г е н д а

НАРОДНАЯ молва гласит: Когда войско Емельяна Пугачева двинулось из Красноуфимска на Кунгур, а затем на Воткинский завод, то самым злым недругом перед ним легла широкая Кама. Глянул Пугачев на крутые волны и подумал: «Не одолеть тебя», но тут же приказал рубить переправу и запалить костры.

Жители села Сайгатки встретили Емельяна Ивановича хлебом и солью. И была среди них красавица, дочь местного богача. Глянул на нее Удалой, один из лучших воинов Пугачева, и влюбился.

— Люб и ты мне! — ответила девушка.

Но когда об этом узнал отец красавицы, он сказал дочери так:

— Если ты будешь любить пугачевца, я отправлю тебя в монастырь, быть тебе стрижухой⁷.

Дочь послушалась отца и продолжала встречаться с Удалым. А Удалой, говорят старики, лихой был малый, по храбрости не уступал Салавату Юлаеву, мудростью мог тягаться с самим Пугачевым.

Однажды вызвал Емельян Иванович к себе Удалова и говорит:

— Завтра утром перевоз войск будем держать, ты с отрядом ступай первый на правый берег, будешь оборонять переправу.

Взял Удалой небольшой отряд, переправился на правый берег, но сам попал в засаду и весь его малочисленный отряд был истреблен. Истекая кровью, не желая сдаться врагу, Удалой с высокой кручи бросился в глубокую Каму.

Кама обняла его своим холодным телом и не отпустила.

И еще старики рассказывают: три дня и три ночи девушка ждала возлюбленного. Когда об этом узнал отец, он схватил ружье, выскочил на берег Камы и, увидев дочь, крикнул:

- Ты послушалась отца, кайся, Стрижуха! — И выстрелил в грудь дочери.

Девушка прикрыла смертельную рану косой: качнулась как пламя свечи и повернулась к скале. Гранитная скала, тяжелая и мрачная, распахнулась, девушка вошла в пещеру и вход снова исчез.

Девять дней и девять ночей из скалы слышался плач раненой девушки, а на десятый день из камня выступили первые, чистые, как слезы, капли воды. Старики рассказывают, что первые дни вода была теплой и солоноватой, а

---

⁷ Стрижуха – монахиня.

потом сорок дней были сильные туманы и заморозки, вода остыла и приобрела другой вкус.

С тех пор эту гору стали называть именем девушки — Стрижуха, а ключи, что и поныне текут из Стрижухи — холодными слезами любви... Это она все еще тоскует по Удалому и плачет. Их любовь вечная!

И еще сказывают старики, когда Пугачев узнал о гибели своего лучшего воина, он вышел к Кама в своем шелковом красном кафтане, сложил на груди руки и сказал Кама так:

— Ты, Кама, отняла у меня лучшего воина, тебе за него и ответ держать. Клянусь Богом, что в этом месте я перехвачу тебя крепкой каменной стеной! Я не сумею — дети одолеют, а дети не одолеют — внуки али правнуки обязательно!

И вот, выполняя завет Емельяна Ивановича Пугачева, правнуки перехватили Каму крепкой стеной и назвали ее Воткинская ГЭС, а рядом построили белокаменный, как в пушкинской сказке, молодой город, присвоив ему имя нашего великого земляка — Петра Ильича Чайковского.

1960 г.

ВЕЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

быль

БУРАНЫ охватили северную столицу. Пурга завьюжила белыми хлопьями, перемешав в круговерти небо и землю, стылую Неву и Зимний Дворец. Императрица стояла у окна величественной, мраморной статуей и выслушивала очередной доклад графа Панина.

— ...Ваше величество, — продолжал Панин, — крепости и города сдаются самозванцу почти без боя. Наши генералы не нанесли Пугачеву ни единого крупного поражения...

Екатерина ответила ему с легким немецким акцентом:

— И это называется регулярное прославленное русское войско? — в голосе императрицы сквозила явная желчь и, чтобы остудить ее раздражение, граф простодушно ответил:

— Согласен, ваше величество, российское войско совсем опростоволосилось. Генерал Кар разбит Пугачевым наголову, генерал-губернатор Рейнсдорп отсиживается в Оренбурге, вконец растерялся и Казанский губернатор Брант. Бибииков тяжко болен...

Екатерина, услышав фамилии своих соотечественников, замолчала.

За высокими светлыми окнами Зимнего Дворца лежала безмолвная Нева, ямщики с гиком, под звон волдайских колоколец, пронеслись на тройках по мостовой. Императрица провожала их равнодушным взглядом, потом холодно молвила:

— Самозванец захватил пол-России, а мои генералы сидят в осажденных городах и молятся богу! Какой находите выход?!

— Пытаюсь найти, ваше величество, — задумчиво ответил граф. — Ночи не сплю, а как закрою глаза — пожар вижу...

— Горит Россия, подпаленная самозванцем...

Панин посмотрел в ее холодное лицо с выпуклыми голубыми глазами и ответил с жаром:

— Вся Европа пылает! — и доверительно добавил: — Слух ходит о княжне Таракановой, наследнице русского престола...

Взгляд Екатерины дрогнул и застыл. Холодный ужас кольнул ее сердце, она отвернулась и готова была разрыдаться, но сдержав себя, до боли стиснула зубы, с минуту молчала, разглядывая низкое небо северной столицы, потом, придя в себя, величественно вскинула голову и повернулась к Панину.

— Что вы сказали, граф?

— В Европе объявилась наследница российского престола. Выдает себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны и громогласно называет себя внучкой Петра Великого!

— И что же дальше? — уже спокойно спросила Екатерина.

И Панин выложил все факты, которыми располагал. Слухи были вескими, неопровержимыми и это насторожило императрицу.

— Значит, исходят они от поляков?

— Возможно, — согласился Панин. — Самозванку Тараканову пестуют, да и Пугачев когда-то в польском походе участвовал. Не из одного ли клубочка выются эти ниточки? Авось перехлестнутся и узелок будет, Интрига!

— Международная! Которая затрагивает интересы России и Польши! — и холодно, с угнетающим прищуром добавила: — Только поляки на эту пакость способны, то Лжедмитрия, то Гришку Отрепьева пошлют, а вот сейчас Тараканову объявили... — И строго добавила: — Немедленно проверить, жива ли в Ивановской обители монахиня Досифея⁸?

— Проверено, Досифея в здравии, усердно молится, живет в келье неотлучно.

— Спасибо, граф. Это для меня настоящее утешение. Выходит, ниточки действительно тянутся из одного клубочка, из Польши... — и решительно заключила: — И все равно они никогда не должны соединиться! Сначала надобно покончить с Пугачевым. Потом возьмемся за самозванку.

Она мучительно искала выход и не находила. Бездарные, ожиревшие на российских хлебах генералы Кар, Рейнсдорп, Брант и другие выбили веру в победу над Пугачевым, и она решила найти достойного боевого командира, который бы смог нанести поражение Пугачеву. Но где взять достойного? Где этот будущий герой? Она повернулась к Панину, внимательно и долго изучала его лицо. Тот насторожился, по-солдатски вытянулся.

— Граф, эти сытые бездельники-генералы меня больше не интересуют.

— Императрица строго поджала сухие губы, отвлеченно посмотрела вдаль. — Назовите мне боевого командира, которого не тяготят еще генеральские эполеты, но который достоин их и без страха, во имя Отечества смог бы повести солдат на самозванца?

— Есть и такие, государыня.

— Кто же?

---

⁸ Досифея — Монашеское имя дочери императрицы Елизаветы Петровны и Разумовского (принцессы Августы), которая была заточена в Ивановский монастырь.

— Полковник Суворов.

— Еще?

Панин понял, кто требуется ей, и помедлив, добавил:

— Подполковник Михельсон.

— Они оба в столице?

— Так точно, государыня! Полковник Суворов только что женился.

— Нашел время! Я наследника престола не рискую женить, а он?...

Императрица надолго умолкла. Ее беспокоила не свадьба Суворова, другое. Она была наслышана о боевых подвигах полковника, но он был русский. Не дрогнет ли его рука против русского мужика? Нужен иноземец, уж он-то с усердием поднимет саблю против россиянина, и, помедлив, добавила:

— Суворов наиболее достоин, но право: я женщина и понимаю, как тяжело расставаться молодой жене. Видит бог, как я ценю полковника: но вызвать велю Михельсона! — И взметнула глаза к золоченой люстре. На следующее утро подполковник стоял перед императрицей сухощавый, длиннолицый, с отгоревшей синевою глаз, в которых, казалось, еще не отпылала страсть жарких сеч семилетней войны. Михельсон поклонился и представился.

— Я слышала о вас, подполковник, вы геройски сражались во имя России? — и улыбнулась, увидев в молодом офицере своего соотечественника. — Скажите, мой соплеменник, когда вы идете в бой, присутствует ли чувство страха?

— Нет, государыня. Я иду в бой с холодным разумом охотника — выследить и убить!

— Вы охотник? — поинтересовалась императрица.

— Приходилось, ваше величество!

— Скажите, какой самый опасный и коварный зверь?

Михельсон удивленно насторожился, мгновение подумал:

— Росомаха, государыня. Это небольшой, низкорослый зверек, но опасен своей выносливостью. Он может преследовать по следу неделю, две такого великана, как сохатый. И когда лось обессиленный упадет, этот маленький зверек вонзает свои острые зубки в горло великана.

Екатерина Вторая смотрела на худенького узкоплечего Михельсона настороженно-удивленным взором, и, выслушав рассказ, любезно заметила:

— Господин Михельсон, будь в опасное для России время хитрой росомахой! Догоняй и бей самозванца! Ты должен разогнать этот сброд! Докажите еще раз свое бесстрашие Отечеству! Бог вас не забудет! — И твердым повелительным тоном закончила: — Немедля берите отряд

гренадеров и идите по следу Пугачева. Преследуйте и бейте, пока поросомашьи не вцепятся в глотку самого самозванца! Настичь и пленить! Я вам доверяю, с богом! — И мелко, троекратно перекрестила Михельсона.

...Еще никто не подозревал, что нависает угроза, которая обернется Пугачеву первым крупным поражением, снег на версты окрасится кровью повстанцев.

До рокового дня оставалось еще несколько недель, а черные вороны — предвестники беды, — предчувствуя кровавый пир, зловеще кружили над своими жертвами.

...А росомаха уже затаилась в коварном прыжке и выжидала момент, чтобы наброситься на безоружную пугачевскую вольницу.

1986 г.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Чей звук первым услышит новорожденный,
к тому звуку он и тянется
всю жизнь.
(народная примета)

ОСКУДЕЛ от злобы Каин-злодей, да и было от чего — много веков провел в одиночестве. Но однажды расщедрился и снова выбросил в сторону закатного солнца клад да такой крупный, что тот взлетел над Камскими просторами огненной тучкой и поплыл к малым ее притокам Сиве да Вотке. Долго плыл и вдруг упал в густых сумерках светлой росой на васильковый простор. А утром по широкому лугу прошли двое несчастных: слепой старец со скрипкой да заморенный поводырь — внучек. Вышили мокрой вязью голубую васильковую траву и удивились, какая легкость появилась в душе и теле. Посмотрел старец вверх и впервые увидел голубое небо. Прозрел. — Господи, красотища-то какая! — разглядывая небесную лазурь выдохнул он и перекрестился. — Иванко, ну глянь! — обратился он к внуку.

И вдруг вместо тощего подростка увидел плечистого молодца. — Господи, внучек, молиться нам надо, молиться! Благодарить Бога за дар! — Они упали на колени и усердно стали креститься. Вскоре старец заметил, что его скрипка рождает особые звуки, которые подвластны только большому таланту.

Однажды, теплым весенним днем, скрипач зашел в заводской поселок и стал играть недалеко от богатого дома, прося подаяния. Играл долго, забвенно, по серому его лицу, исхлестанному морщинами, текли слезы. Люди, впервые услышав звук скрипки, не могли оставаться равнодушными и плакали. А старец, не видя ничего вокруг, вдохновенно ласкал хрупким смычком звучные струны.

...А в это время в роскошном барском доме страдала в предродовых схватках молодая хозяйка. Она кусала губы, громко стонала и измученным взглядом косилась на икону Богоматери. Две бабки-повитухи суетились у ее постели, не зная чем угодить.

— Не молчите... Говорите! Тишины боюсь, тишины! — стонала роженица.

И когда услышала звук далекой скрипки, попросила:

— Позовите к окну, пусть играет.

Старого скрипача привели к дому. Он вскинул на плечи звучный инструмент, прижал дряблым подбородком к плечу и сотворил тихую нежную мелодию. Трепетные тонкие пальцы старца дрожали на струнах, а скрипка то тихо рыдала, то звенела далеким жаворонком. Музыка насыщала своим великолепием прозрачный воздух и голубые воды пруда, небесную лазурь и горницы роскошного особняка. Старец играл до тех пор, пока волшебную мелодию не заглушил детский плач.

Вскоре из дома вышла кухарка и подошла к старцу.

— Спасибо тебе, прими Христа ради, за мальчика.

— Спасет тебя Бог! — ответил скрипач.

— За добрую игру благодарит тебя барыня от имени новорожденного.

Сыграй еще... для него.

— Как нарекли?

— В честь деда, Петром.

Старик перекрестился и тихо сказал:

— Мой дар ему, — и заиграл во всю мощь своего таланта.

Вскоре старец исчез неизвестно куда. Перед уходом он будто бы сказал:

— Я свое дело завершил на земле и наследство передал...

Не сразу поняли его слова. И только потом, через десятилетия, когда молодой гений прославил Россию, а затем и весь мир, вспомнили и далекое глухое Прикамье — родину великого композитора Петра Чайковского.

1964 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ермак и Каин . . . . . , , .	3
Ох, Анна!	7
Жемчужина	9
Атаман Носков	12
Стрижуха	18
Веление Екатерины Второй	20
Продолжение легенды	23

Куляшов Павел Федорович

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ПРИКАМЬЯ

Редактор Г. Н. Солодников
Художник Т. Л. Воронцова
Технический редактор В. Ф. Песоцкая

Н/К

Сдано в набор 03.12.90 Подписано к печати 17.12.90.

Формат 60x 84 716. Бумага тип № 3.

Гарнитура рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 1.4.

Усл. кр.-отт. 1,52. Уч.-изд. л. 1,46. Тираж 20 000.

Заказ № 9024. Цена 1 р. 50 к.

Адрес издательства «Удмуртия»:

426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

Адрес типографии: 617740, г. Чайковский, К. Маркса, 19.

ГОРОДА И ЛЮДИ

Когда была написана первая легенда — города Чайковского еще не было. Не было и писателя Куляшова, а был простой рабочий-арматурщик «ВоткинскГЭССтроя» Павел Куляшов. В свободное от работы время он писал в газеты статьи, зарисовки, очерки.

Рабочий поселок Чайковский рос, ширился. Рос и опыт будущего писателя. В 1966 году в № 5 журнала «Молодая гвардия» была опубликована первая его повесть «Камская оратория», которая открыла молодому писателю дорогу в литературу.

С тех пор прошло двадцать пять лет. Сейчас Павел Федорович Куляшов —

член Союза писателей СССР, Заслуженный работник культуры, лауреат премии им. Аркадия Гайдара и республиканских конкурсов. Им издано более 20 книг, Он пишет о современных рабочих и старой кержацкой деревне, о партийных рвачах и восстании Пугачева, о графе Шувалове и Екатерине Второй, о строителях гидростанции и покорителе Сибири Ермаке, путь которого пролегал по Каме. Диапазон тем писателя широк. В его книгах любовь и ненависть, страстный порыв и благородство. Павел Куляшов — популярный писатель Прикамья. Его перу принадлежат романы «Трудный год», «Шалые люди», повести «Камская оратория», «Медвежий угол», «Сухолетье», «Вятские — мужички хватские», «Позднее признание», «Многеженец» и другие.

Особенно полюбились читателям повести «Солдатки» и «Материнское сердце». Они много раз переиздавались в Москве, Ижевске, Казани, Перми и Свердловске. Эта маленькая книжечка — многолетний труд писателя. Легенды и были он собирал более тридцати лет.